

Е. И. Анненкова

**«ПОЭТ» И «ЦЕРКОВНЫЙ ПАСТЫРЬ» В КОНТЕКСТЕ
«ВЫБРАННЫХ МЕСТ ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ» Н. В. ГОГОЛЯ.
РЕЛИГИОЗНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
КАК МЕТОДИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА**

В статье рассматривается одновременно историко-литературная и методическая проблема — изучение религиозно-эстетических аспектов русской классической литературы. Анализируются принципиальные для Гоголя 1840-х гг. вопросы взаимодействия светской и церковной культур, занявшие одно из центральных мест в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Предметом интерпретации являются созданные Гоголем образы «лирического поэта» и «церковного пастыря». Выявляется авторская позиция, диалектика осмысления писателем сущности и возможностей как «поэта», так и «пастыря». Это позволяет выйти к вопросам преподавания религиозных мотивов в вузовском и школьном изучении творчества Гоголя. Задача преподавателя — не упрощать проблему, не делать за писателя выбор: религиозное мирозерцание или литературный труд, а реконструировать позицию автора «Выбранных мест из переписки с друзьями», пытающегося найти точки соприкосновения эстетического и религиозного сознания и в то же время понимающего их специфику. Подчеркивается актуальность рассматриваемой проблематики для изучения русской классической литературы как в высших, так и средних образовательных учреждениях.

Ключевые слова: Гоголь, Пушкин, Языков, Жуковский, поэт, пастырь, проповедь, исповедь, душа, внутренний человек, поприще, общество, нынешнее время.

E. Annenkova

**“POET” AND “PASTOR” IN THE CONTEXT OF “SELECTED PASSAGES
FROM CORRESPONDENCE WITH MY FRIENDS” BY NIKOLAY GOGOL.
RELIGIOUS AND AESTHETIC ASPECTS OF RUSSIAN LITERATURE
AS A METHODOLOGICAL PROBLEM**

The article focuses on a combination of historical, literary and methodical issues discussing religious and aesthetic aspects of Russian classical literature. The authors analyse the issues of interaction between secular and church culture which particularly concerned Nikolay Gogol in the 1840-s and occupied one of the central places in “Selected Passages from Correspondence with my Friends”. The images of “the lyrical poet” and “the church pastor” created by Gogol are the subjects of interpretation. The writer's position and the dialectics of his definitions of the essence and opportunities of both “a poet”, and “a pastor” come to light, and so do the issues of teaching religious motives of Gogol's literary works at both secondary and higher education levels. The teacher's task is not to simplify the problem or to make the choice between the religious world view and the work of a writer for Gogol and his readers, but to reconstruct the author's position presented through “Selected Passages from Correspondence with my Friends”, to address his search for a common ground between aesthetic and religious consciousness and his understanding of their particularity. The article emphasises the relevance of the issues for teaching and studying Russian classical literature at various educational levels.

Keywords: Gogol, Pushkin, Yazykov, Zhukovsky, poet, pastor, sermon, confession, soul, inner person, field, society, modern time.

В «Выбранных местах из переписки с друзьями», вышедших в свет в самом начале 1847 г., Гоголь неоднократно обращает-

ся к русской поэзии, стремясь определить ее «существо» и «особенность» (гл. IV, V, X, XV, XXXI). Одна из глав названа

«Предметы для лирического поэта в нынешнее время». «Нынешнее время» — ключевая категория гоголевской книги, поэтому автор считает необходимым охарактеризовать «предметы» не только для поэтов, но и для духовных лиц. Гоголь ищет способы сопряжения языка церкви и языка литературы, полагая, что для настоящего момента в развитии общества и культуры это насущная задача, далеко не просто, однако, решаемая, а в его собственном творчестве приобретающая определенный драматизм.

Опыт Гоголя может оказаться насущно актуальным и для нашего времени: изучение основ православной культуры в школе, истолкование религиозно-эстетических аспектов русской классической литературы в вузе требует разработки соответствующей методики, позволяющей сложнейшие вопросы религиозной эстетики и поэтики литературы, духовного делания и нравственного совершенствования рассматривать в их взаимодействии и одновременно — в диалоге, нередко полемически напряженном. Думается, и в школе (хотя, конечно, не на начальном этапе обучения) учащихся полезно погружать в те сложные историко-литературные коллизии, которые позволяют понять, что процесс религиозного образования и духовного самосовершенствования — непрост, но одновременно и притягателен, поскольку открывает для человека как некоторую его слабость, так и силу, способность накапливаемой в ходе изучения русской классической литературы интеллектуальный запас преобразовать в запас душевный и духовный.

В свое время Н. А. Бердяев писал о том, что вся русская литература ранена христианством, а современный исследователь В. А. Котельников отметил непрекращающееся творческое присутствие православия в отечественной литературе. Филологической наукой к настоящему времени накоплен

большой опыт изучения религиозно-эстетической тематики русской литературы. Это и отдельные монографические работы [1, 9, 11, 14, 16–22], и выпускаемые периодические сборники научных статей [12, 26], и многочисленные исследования, посвященные творчеству отдельных писателей. Но проблематика достаточно сложна, и даже прилежное ознакомление с нею не всегда может дать в руки преподавателю, тем более школьному учителю, технологию подачи этого материала обучающимся. В настоящее время отчетливо заявила о себе позиция рассмотрения гоголевского творчества, особенно позднего, как органической части православной духовной культуры [3, 4, 24]; наряду с этим продолжается изучение творчества писателя, продолжающего христианские традиции, в достаточно широком философском и собственно литературном контексте [2, 9, 10]. При этом интерпретации одних и тех же произведений оказываются если не противоположными, то существенно отличающимися друг от друга. Обучающиеся могут быть вовлечены в научный диалог, в котором нередко проявляются и различные мировоззренческие позиции.

В защищенной еще в 1994 г. докторской диссертации В. А. Котельникова были названы три аспекта, требующие детального, вдумчивого подхода при изучении заявленной темы: 1. Коллизия двух типов мирозерцания: *теоцентрического* и *антропоцентрического*; 2. Коллизия двух типов религиозности — *ветхозаветной* и *новозаветной*; 3. Коллизия *языка Церкви* и *языка литературы** [18, с. 4, 9, 11]. Изучение типов мирозерцания, религиозности и языка — это своего рода программа-максимум. Чтобы приблизиться к осуществлению ее, вероятно, имеет смысл разрабатывать конкретные темы, не обязательно включенные в учебную программу, но небезыңтересные для современных учеников, что может

дополнить и даже усложнить понимание классической литературы. Одним из произведений, предоставляющих возможность поразмышлять о взаимодействии религиозного и собственно эстетического, и являются «Выбранные места из переписки с друзьями».

1840-е гг. вполне оправданно считаются прозаическим десятилетием в истории отечественной литературы. Элегическая школа начала века, пушкинская пора, породившая плеяду замечательных поэтов, завершаются к исходу 1830-х гг. А Гоголь, заявляющий, что «другие уже времена пришли» и, следовательно, «другие времена наступают для поэзии» [6, с. 407, 408], именно в это время берется определять «предметы для лирического поэта». В 1840 г. В. Г. Белинский характеризует «натуральную школу» как новое направление и новый этап в развитии русской литературы. Славянофилы и западники полемизируют не об эстетике, а о пути России и о ее отношениях с Западной Европой. Автор же «Мертвых душ», воспринятый после выхода в свет первого тома поэмы одними — как подобный Гомеру эпический поэт (Аксаков К. С.), а другими как сатирик (Белинский В. Г.), начинает размышлять, «в чем же наконец существо» и в чем «особенность» русской поэзии. В главах, посвященных литературе, и не только в них, нашла выражение, впервые столь последовательно, авторская рефлексия. Она сблизила «поэтов», в их творческой интуиции, и «церковных пастырей», умеющих призвать «не к увлечениям сердечным, но к высшей, умной трезвости духовной» [6, с. 369]. Текст Гоголя и интересен тем, что в нем соприкасаются — как рядоположенные — вовсе не однородные сферы эстетического и духовного бытия. По мнению В. А. Котельникова, темы христианской аскетики (покаяния, очищения души, победы над страстями) переживались Гоголем

«преимущественно в плане телесно-душевном <...> точка схождения аскетики и творчества оказалась за пределами кругозора Гоголя, хотя возможность их примирения он предчувствовал» [19, с. 36]. Думается, возможность примирения аскетики и творчества писатель не только предчувствовал, но и активно искал, однако осознавал проблематичность полного достижения подобной цели. Быть может, и имеет смысл выделять эти проблемные узлы гоголевских размышлений.

Говоря о «лиризме наших поэтов», автор «Выбранных мест...» определяет его как «что-то близкое к библейскому», как «верховное торжество духовной трезвости» [6, с. 249]. А обращаясь к «предметам», которые более всего питают и поддерживают названную особенность, называет два: «Первый из них — *Россия*» и как производное — «какое-то невольное пророчество о России»; второй — «любовь к царю» [6, с. 250, 251]. Оба «предмета», сформулированные писателем как первостепенные для поэзии, не были поддержаны большинством читателей, особенно последнее. Но можно заметить, что как любовь к России, так и любовь к царю, питающие и пробуждающие, по Гоголю, творческую силу, понимаются писателем в их максимальном, даже идеальном проявлении: о поэтах сказано, что они «**пророчествовали** о России», «**прозревали** высшее значение монарха». Поэту доступно то, что не дается обычному человеку. Вот и Гоголь как поэт, которому свойственно тяготение к библейскому тексту, прозревает пророческое значение России и монарха. Намечается одновременно и историческая, и онтологическая задача: познавая Россию историческую, понять ее мессианскую роль как православной державы в «нынешнее время».

Глава «Предметы для лирического поэта...» адресована Н. М. Языкову. В основу ее положены два письма Гоголя к поэту —

от 2 и 26 декабря 1844 г. И одно и другое вызваны стихотворением Языкова «Землетрясение». А в июне 1845-го Гоголь писал ему: «...Подобно двум близнецам-братьям, бывали сходны наши души между собою» [7, с. 494]. Родственным было понимание настоящего исторического момента как беспокойного, теряющего прочную опору: «...неспокойство духа, смешанное с непонятною тоскою, есть ныне болезнь повсеместная» [7, с. 243–244]. Замысел стихотворения Языкова — «взять событие из минувшего и обратить его к настоящему» — характеризуется автором «Выбранных мест...» как «богатая и умная мысль» [6, с. 278]. «Нынешнее время» — «тяжелая година всемирного землетрясения, когда все помутилось от страха за будущее» [6, с. 278], — и представляет, по Гоголю, истинное приращение для лирического поэта.

«Предметы» в данном случае толкуются не только как темы, порожденные «нынешним временем» и побуждающие к действию, но и как некое состояние, которое должен ощутить поэт, чтобы «поразить», «поднять», «попрекнуть» человека, заставить встрепенуться «богатырски» задремавший «нынешний век». От поэта требуется уподобление библейскому пророку: «Отыщи в минувшем событии подобное настоящему», «бей в прошедшем настоящее» — «и в двойную силу облечется твое слово» [6, с. 278]. В сущности, говорится о необходимости привести в соприкосновение, в нерасторжимое взаимодействие прошлое и настоящее, русскую старину, Библию и современную литературу. При таком ракурсе — «всё теперь предметы для лирического поэта» [6, с. 279]. Но и здесь Гоголь не перечисляет их, а говорит о том, каким образом ими распорядиться: «воззови», «завопи воплем», «опозорь», «возвеличь», «ублажи гимном». В ту пору, когда «всякое истинно русское чувство гложет,

и некому его вызвать» [6, с. 281], определяющим оказывается особое духовное состояние, которое, в свою очередь, порождает действенное слово: «Найдешь слова, найдутся выраженья, огни, а не слова, излетят от тебя, как от древних пророков, если только, подобно им, сделаешь это дело родным и кровным своим делом...» [6, с. 281].

Поэзия, образ которой как необходимой «нынешнему времени» гипотетически создает автор «Выбранных мест...», оказывается полемична и по отношению к поэзии пушкинской поры, и — ко все более активно заявляющей о себе «натуральной школе». Первая, по Гоголю, при всем ее разнообразии (прозорливо освещенном в предпоследней главе книги) — это прежде всего поэзия как таковая, она служит развитию литературы, но не обществу. Вторая, напротив, излишне прикреплена к насущной действительности. Гоголевские же размышления, каких бы разнородных тем они ни касались, тяготеют, по сути, к одному центру — к «внутреннему человеку». Поэтому суждения о «предметах для лирического поэта», о «задачах» русской поэзии оказываются неотделимы от осмысления собственных «задач», своего эстетического и духовного «существа», своей «особенности». Речь идет о соответствии или несоответствии человека «нынешнему времени», наэлектризованному «неспокойствием духа» и «непонятной тоской».

Главы о поэзии неслучайно адресованы прежде всего Н. М. Языкову и В. А. Жуковскому. Они являют, по Гоголю, два взаимодополняющих полюса русской поэзии, проявившихся не в границах пушкинской поры, а на пути преодоления ее, — прежде всего благодаря особому личностному началу, им присущему, или благодаря тому «внутреннему человеку», которого столь часто упоминает писатель и в книге, и в письмах, который, по его мнению, непре-

менно дает о себе знать в нелегкие минуты жизни.

«Внутреннюю, сосредоточенную в себе жизнь», которая так влекла Гоголя [7, с. 249], Жуковский познал еще в годы молодости, вырабатывая в себе духовное смирение, необходимое для расставания с М. Протасовой, оно позволило ему в зрелые годы обрести спокойствие «патриарха» (автор «Выбранных мест...» применяет к поэту-современнику это слово). Языков, напротив, оказался обречен на страдания физические, связанные с тяжелой болезнью, уже во второй половине жизни, и потому мотивы пира, свойственные пушкинской эпохе, потеряли для него актуальность. Жуковского Гоголь зовет в Москву, поясняя в письме к Языкову, что Москва в результате «получит большую значительность и степенность, какой ей не доставало», а тогда, уверен он, «может восстановиться в ней та литературная патриархальность, на которую у нее есть только претензия, но которой в самом деле нет» [7, с. 444]. Личные письма к Языкову содержат иные советы, они направлены прежде всего на то, чтобы сосредоточить поэта на его внутреннем состоянии, побудить задуматься о «деле души». «Как бы то ни было, — со знанием дела утверждает Гоголь, — но душа твоя вкусила уже другую жизнь, в ней произошли уже другие явления <...>. Зачем же в стихах своих ты показываешь донныне одно внешнее свое состояние, а не внутреннее, или разве стихи недостойны того, чтобы отражать его, или разве мало предметов? Но закружится голова, если станем исчислять то, что никем донныне не тронуто» [7, с. 363]. «Внутренние события» толкуются как залог осуществления грандиозных творческих, прежде всего духовно-эстетических замыслов, не допускающих отчуждения личности художника от творческого процесса, — на это Гоголь обращает внимание в письме

А. А. Иванову: «...Пока с вами или, лучше, в вас самих не произойдет того внутреннего события, которое силитесь вы изобразить на вашей картине (в «Выбранных местах...») Гоголь главную тему картины Иванова «Явление Христа народу» определил как «ход обращенья человека ко Христу» [6, с. 330]. — Е. А.), <...> поверьте, что до тех пор не будет кончена ваша картина. Когда же напишется она на душе вашей, тогда кисть ваша полетит быстрее самой мысли» [7, с. 450]. Итак, размышляя о «поэте», автор книги достаточно много говорит о необходимости строения души. В. В. Зеньковский обращал внимание на слова Гоголя в письме к Языкову «внутри всех нас есть источник света — хоть мы редко стремимся к тому, чтобы найти его» и комментировал: «Это — один из тезисов христианской антропологии вообще, который особенно развивал в русской литературе Киреевский (а до него и отчасти одновременно с ним Сперанский). Для Гоголя это очень важный, можно сказать, поворотный момент в его понимании человека (имевший, кстати сказать, выражение и опору в его художественных интуициях)» [5, с. 279]. От поэта требуется особое внимание в его внутреннему «я» — один из путей к источнику света. Контекст же, в котором упоминаются «церковные пастыри», на первый взгляд — совершенно иной.

Гоголь, размышляя об их возможном воздействии на «нынешнее время», ничего не говорит о присутствии в этом процессе «внутреннего человека», «души», словно не притязая на раскрытие тайны личности священнослужителя, не допуская до этой тайны читателя. Здесь возникает (на уровне предположения) любопытная параллель. Говоря о Пушкине, Гоголь отмечает особое его отношение к поэзии: «...Поэзия была для него святыня, — точно какой-то храм. Не входил он туда неопрятный и

неприбранный; ничего не вносил он туда необдуманного, опрометчивого из собственной жизни своей <...>. Читатель услышал одно только благоуханье; но какие вещества перегорали в груди поэта затем, чтобы издать это благоуханье, того никто не может услышать» [6, с. 382–383]. На самом деле, как мы знаем, в позднюю лирику поэта вошли его «тяжкие думы» и «змеи сердечной угрызенья». Но Гоголю они не могли быть известны в полной мере, да и сам поэт не спешил сделать предметом всеобщего внимания процесс своих «воспоминаний», подступающих чаще всего в часы «томительного бденья», когда «для смертного умолкнет шумный день» [23, с. 60].

Церковные пастыри вынашивают, обретают свои слова «в глубине монастырей и в тишине келий» [6, с. 245]. Уместно будет вновь вспомнить пушкинские строки из стихотворения 1829 г. «Монастырь на Казбеке», процитированные и Гоголем: «Туда б, в заоблачную келью, / В соседство Бога скрыться мне!..» [23, с. 141]. Духовные пастыри, замечает Гоголь, «совершают свой труд в глубоком спокойствии, молясь, воспитывая самих себя, изгоняя из души все страстное, похожее на неуместную, безумную горячку, возвышая свою душу на ту высоту бесстрастия небесного, на которой ей следует пребывать, дабы быть в силах заговорить о таком предмете» [6, с. 245]. Под «предметом» в данном случае имеется в виду «наша церковь», которую от разного рода нападков нужно защищать, но не только словами, но и «жизнью нашей».

«Поэт» и «церковный пастырь» являют в гоголевском духовно-культурном пространстве некую антиномичную пару, не означающую их сущностной противоположности, но предполагающую определенный контраст самосознания и самовыражения. Поэт погружен и во внутреннюю свою

жизнь, и в «нынешнее время»; священнослужитель — «находится в некотором отдалении от нас <...> даже самой одеждой своей, не подвластной никаким измененьям и прихотям наших глупых мод, они отделились от нас. Одежда их прекрасна и величественна» [6, с. 247]. При этом оказывается, что и поэты (почти как священники) «воспитываться для света» должны «не посреди света, но вдали от него, в глубоком внутреннем созерцании» [6, с. 248]. Но слова того и другого — различны. В одном случае предписывается страстность, импульсивность — «завопи волком», «опозорь», «возвеличь»; в другом — бесстрастие — «слово простое, некрасноречивое, но замечательное по стремлению стать на высоту того святого бесстрастия, на которую суждено взойти христианину...» [6, с. 369].

Сам же Гоголь — интуитивно или сознательно — являет собою попытку совместить «поэта» и «церковного пастыря». Поясняя, что у духовенства «два законных поприща, на которых они с нами встречаются: исповедь и проповедь» [6, с. 247], автор «Выбранных мест...» не может не сознавать, что эти же «поприща» в 1840-е гг. он отводил и поэтам, сознавая, правда, что они не всем по плечу.

Ставя рядом в своей книге «поэта» и «церковного пастыря», отдавая, в известном смысле, преимущество последнему в возможности воздействовать на душу человека, Гоголь все же больше говорит о первом, перенося подчас на поэта ту миссию, которая лежит на священнослужителе. Вместе с тем в главе, посвященной «существу» русской поэзии, он признает и некое ее бессилие — «поэзия наша ни поучала общество, ни выражала его» [6, с. 403]. При этом отмечает другое, может быть, более значительное: поэтам было дано «**прозревать** в зерне, почти неприметном для простых глаз, будущий великолеп-

ный плод его, выставляя очищенной всякое свойство наше» [6, с. 404].

Гоголь улавливает, действительно, чрезвычайно важное «существо» отечественной литературы (и свое в том числе) — «прозревать» то, что скрыто, что лишь таится в «зерне» национального сознания и жизни. В гоголевских рассуждениях можно усмотреть своеобразное развитие пушкинских размышлений, нашедших выражение в стихотворении 1823 г. «Свободы сеятель пустынный...», восходящем к евангельской притче о сеятеле. Исследователи уже проводили сравнение этого произведения с евангельским текстом, обращая внимание на то, что пушкинское стихотворение передает содержательную глубину притчи и не может быть сведено лишь к теме свободы, занимавшей в ту пору поэта. В Евангелии мы находим и притчу, и толкование ее: «Когда же собралось множество народа, и из всех городов жители сходились к Нему, Он начал говорить притчею: вышел сеятель сеять семя свое, и когда он сеял, иное упало при дороге и было потоптано, и птицы небесные поклевали его; иное упало на камень и, взойдя, засохло, потому что не имело влаги; а иное упало между тернием, и выросло терние и заглушило его; а иное упало на добрую землю и, взойдя, принесло плод сторицей. Сказав сие, возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит! Ученики же Его спросили у Него: что бы значила притча сия? Он сказал: вам дано знать тайны Царствия Божия, а прочим в притчах, так что они видя не видят и слыша не разумеют. Вот что значит притча сия: семя есть слово Божие; а упавшее при пути, это суть слушающие, к которым потом приходит диавол и уносит слово из сердца их, чтобы они не уверовали и не спаслись; а упавшее на камень, это те, которые, когда услышат слово, с радостью принимают, но которые не имеют корня, и временем веруют, а во время искушения отпадают;

а упавшее в терние, это те, которые слушают слово, но, отходя, заботами, богатством и наслаждениями житейскими подавляются и не приносят плода; а упавшее на добрую землю, это те, которые, услышав слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении» (Лк. 8. 5–16). Если в свете евангельской притчи рассмотреть понятие свободы, то можно сказать, что для Пушкина важна не идея свободы сама по себе, но ее смысловое наполнение, характер ее переживания, способность идеолога или мыслителя соотнести ту или иную теорию с истиной, с духовным и историческим ходом жизни.

Духовное терпение — состояние, которое было предметом осмысления и Гоголя. Писатель находил его прежде всего в практике «церковных пастырей», но желал обрести и сам. В. В. Зеньковский был убежден, что «Гоголя можно без преувеличения назвать пророком православной культуры» [15, с. 186]. Писателю близок «сеятель», который не только прозревает в «зерне» неприметный для других «великолепный плод», но и берет на себя ответственность за то, чтобы этот плод появился и возрос. В каком случае это возможно? Гоголь развивает тему, остающуюся за пределами и пушкинского стихотворения, и даже евангельской притчи, — тему духовного возрастания самого «сеятеля». В известном смысле — это сквозная тема «Выбранных мест...», причем автор увязывает ее еще с одной, для него не менее дорогой, — темой «земли своей». Писатель пытается подготовить почву для того «благодатного времени, когда мысль о внутреннем построении человека, в таком образе, в каком повелел ему состроиться Бог из самородных начал земли своей, сделается, наконец, у нас общею по всей России и равно желанною всем» [6, с. 405]. «Самородный ключ», который «бил в груди народа», несмотря на «внешние признаки подражания», упомянут

в самом начале главы «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность». «Струи его, — замечает писатель, — пробиваются в наших песнях <...> в пословицах наших <...> наконец, в самом слове церковных пастырей» [6, с. 369]. Подражательности эпохи, как можно видеть, противостоит прежде всего поэзия — народная, литературная, а также пастырская, берущая свое начало в традиции древнерусского красноречия. В совокупности они предвещали и предопределяли «какое-то другим народам неведомое, своеобразное и самобытное развитие» [6, с. 369].

Можно сказать, что в самом себе Гоголь хотел бы явить сеятеля, прозревающего плод и оберегающего его, и пастыря, пекущегося о каждой «заблудшей овце», при этом он ищет совмещения евангельской, то есть общечеловеческой, истины с истиной национальной истории и национального культурного самосознания. А для того требуется, свидетельствует гоголевская книга, строгость внутренней жизни и ощущение себя «гражданином земли своей». При этом Гоголь, светский писатель, привносит на страницы «Выбранных мест...» многоголосье мирской жизни, и это противоречивое сочетание принципов почти монашеского аскетизма, слов «церковного пастыря» и признания за поэзией особенной, только ей свойственной «тайны» может приоткрыть и тайну гоголевской книги. Когда писатель замечает, что все в жизни может стать «незримыми ступенями к христианству» [269], он не только принимает на себя обязанность отыскать и указать современнику подобные «ступени», он и собственную книгу мыслит как некую ступень, всем зримую и доступную. Вновь стоит процитировать В. В. Зеньковского: «Вообще религиозное мировоззрение Гоголя вобрало в себя и эстетические, и моральные идеи раннего периода в жизни Гоголя, но, вобрав их в себя, религиозное мировоззрение их переработало,

как бы вдохнуло в них новую жизнь. Гоголь остро ощутил, что мир в его современном состоянии “не в силах прямо встретиться со Христом“, не в силах “хоть отчасти услышать строгую тайну жизни и ее сокровенную небесную музыку”» [5, с. 281]. Потому Гоголь и спешит издать свою книгу, на время, хотя и недолгое, оставляя в стороне второй том «Мертвых душ». Художественная интуиция, творческая потребность и потребность духовно-общественная сосуществуют в сознании Гоголя 1840-х гг., но одновременно и чередуются, словно уступая место одна другой, если этого требует «нынешнее время».

Современному же читателю, обучающемуся как в школе, так и в вузе, можно было бы подсказать, что гоголевская «ступень» к христианству — это и ступень к самосовершенствованию, и лишь при первом прочтении книги она может показаться излишне дидактично выстроенной; на самом деле «Выбранные места...» свидетельствуют, что заявленному пути противопоставлены односторонность и прямолинейность.

Внутренние противоречия гоголевской книги говорят о том, что путь к вере и путь духовного становления в целом и сложен, и привлекателен; это путь индивидуального внутреннего поиска, одновременно опирающегося на самородные ключи, пробивающиеся в национальной истории и литературе. Не случайно в одной из глав автор размышляет «об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности», восклицая: «Вы очень односторонни...» [6, с. 267], «не будьте похожи на тех святошей, которые желали бы разом уничтожить все, что ни есть в свете, видя во всем одно бесовское» [6, с. 274]. Не односторонность, а широта видения мира и «светлость веселья»; последовательное развитие, а не горделивость овладения истиной — признаки христианского мироощущения. «...Перед христианином сияет вечно даль» [6, с. 264],

замечает Гоголь, но путь к ней требует некоего подвига. Можно видеть, что книга запечатлела как привлекательность, так и сложность подобных поисков. Почему бы современному ученику не приложить этот путь к себе, не поразмышлять, как в нашем образе мира и нашем душевном опыте соотносятся внутреннее «я» и внешние факторы, односторонность оценок и диалектика сознания, потребность исповедания и привычка к поучению? Можно ли в литературе XXI в. найти книги, чем-то напоминающие исповедально-проповедническое сочинение Гоголя?

Церковному пастырю, как и поэту, надлежит обрести прозрение «самородных начал земли своей» и своей культуры, почувствовать «этот необъяснимый разгул, который слышится в наших песнях», «этот необыкновенный лиризм — рождение верховной трезвости ума», «многостороннюю поэтическую полноту ума нашего», «наконец, сам необыкновенный язык наш», который «есть еще тайна» [6, с. 408]. В итоге — ожидает автор книги — «выкуется иная, сильнейшая речь» [6, с. 409]. Читая «Выбранные места...», мы вдруг осознаем, что и всем нам для понимания сложных духовных «предметов», а тем более для разговора о них необходимо выработать соответствующий «язык». Сложность этого процесса также демонстрирует книга Гоголя, язык которой разнороден, подчас как будто неупорядочен, неровен, то слишком возвышен, то чуть ни простонародно груб. Задача автора — каждого читателя задеть, вывести из состояния духовной лени, разбудить, вызвать внутренний отклик.

Размышления Гоголя о Пушкине в главе «В чем же наконец существо и в чем особенность русской поэзии» содержат в себе, на первый взгляд, некую парадоксальность. Автор «Выбранных мест...» отмечает беспрецедентное воздействие Пушкина на

русскую поэзию, которая, как сказано, «все еще находится под сильным влиянием гармонических звуков Пушкина <...> не может вырваться из этого заколдованного, им очерченного круга» [6, с. 401], и вместе с тем заявляет, что влияние его «как поэта на общество было ничтожно» [6, с. 385]. Гоголем ищется иная форма взаимоотношений поэта и общества. Своя книга предстает именно как поиск этих новых отношений.

Создается впечатление, что в «Выбранных местах...» — объективно, независимо от тех или иных установок автора — явлены творческие личности (сам Гоголь и Пушкин), которые конгениальны тем образцам, которые упоминаются на протяжении всей книги, — «поэту» и «церковному пастырю». Только, как ни парадоксально, Гоголь в этом контексте идентифицируется прежде всего с «поэтом», а Пушкин — с «пастырем». Однако это обнаруживается лишь при внимательном прочтении текста. С одной стороны, о Пушкине сказано, что «всё было предметом» его поэзии, всё, и ничто в особенности, «немеет мысль перед бесчисленностью его предметов» [6, с. 380]. Подобное «всё» Гоголя и восхищает, и настораживает. Но характеристики, данные Пушкину в книге в целом, не уместаются в эти, как будто итоговые слова. Поэт и пастырь, а одновременно Гоголь и Пушкин оказываются не так однозначны, не так просто поддаются интерпретации, как может показаться на первый взгляд. Почему возникает ощущение, что Гоголя следует соотносить с поэтом, а Пушкина с пастырем, а не наоборот? Первый спешит исповедально передать читателям все перипетии своей внутренней — духовной и творческой — жизни, второй — устремлен «к высшей умной трезвости духовной»; первый пытается разбудить общество страстным словом поучения; второй — «в глубоком спокойствии» (как сказано именно

о пастыре) совершает «труд многолетний», терпеливо ожидая, как библейский сеятель, когда человек «нынешнего времени» отзовется на этот труд, услышав Слово и укореняя, закрепляя его в «доброй» почве.

В «Авторской исповеди», откликаясь на упреки в свой адрес, в том числе за то, что слишком большое место в книге заняла его собственная личность, и это можно расценить как проявление гордости, как недостаток в смирении, Гоголь скажет: «В ответ же тем, кто попрекает мне, зачем я выставил свою внутреннюю клеть, могу сказать, что все-таки я еще не монах, а писатель» [6, с. 444]. Именно **литературный** текст обнаруживает диалектику мысли автора, которая может заставить «призадуматься» и «наиглубокомысленнейшего душеведца» [6, с. 437]. Вероятно, автору книги действительно хотелось явить некий синтез «поэта» и «пастыря», преобразив, обновив природу того и другого.

Завершив работу над книгой и опубликовав ее, Гоголь испытывает потребность прокомментировать, пояснить свой труд. В свое время он сопроводил «Ревизора» авторскими приложениями («Театральный разъезд после представления новой комедии», «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору», «Предупреждение для тех, которые желали бы сыграть как следует “Ревизора”», «Развязка “Ревизора”»). Опубликовав в 1842 г. первый том поэмы, в 1847-м в «Выбранных местах...» он поместил «Четыре письма к разным лицам по поводу “Мертвых душ”». Теперь — пишет произведение, цель которого определяет сам следующим образом: «изложить всю повесть моего авторства» [6, с. 438]; при издании этого текста С. П. Шевырев дает ему название «Авторская исповедь». Гоголевская энергия самоосмысления заслуживает внимания (о ней следовало бы говорить особо), и изу-

чающие русскую литературу в учебных заведениях могут проанализировать принятые писателем разнообразные исповедальные опыты, сопоставив их. В авторских комментариях к написанным произведениям достаточно полно проявляется своеобразие писательской личности Гоголя, но стоит отметить, что духовный анализ внутренней жизни — это и непрменный компонент собственно религиозного самосознания, что предопределяет сближения языка Церкви и литературы не только в древнерусской культуре, но и культуре Нового времени. Подобная духовно-творческая коллизия по-своему уже была явлена Пушкиным в его лирике конца 1820–1830-х гг., как в отдельных стихотворениях, так и в так называемом каменно-островском цикле («Мирская власть», «Подражание итальянскому», «Отцы-пустынники и жены непорочны...», «Из Пиндемонти», «Напрасно я бегу к Сионским высотам...», «Когда за городом, задумчив, я брожу...», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» [16, с. 241–329; 25, с. 193–203; 27, с. 52–66]. С. Гончаров обращал внимание на то, что «Странник» Пушкина (1835) в известном смысле предугадывал духовное странничество Гоголя 1840-х гг.

В «Авторской исповеди» Гоголь, с одной стороны, сетует на то, что «предметом толков и критик стала не книга, а автор» [6, с. 432], но с другой, словно подхватывая читателями и критиками заданный ракурс, от «предметов для лирического поэта» переходит к «автору», тем более что и сам в «Выбранных местах...», как уже было сказано, неоднократно поднимал эту тему. Но теперь он имеет возможность и готов соотнести сторонний взгляд на себя с собственным: «...Никто не был в покойном расположении, когда читал мою книгу» [6, с. 436] — «...Я решился стерпеть все и воспользоваться этим случаем, как указаньем свыше — рассмотреть построже самого

себя» [6, с. 432]. Анализ духа времени оказывается равнозначен рассмотрению самого себя.

Подвергнув свой творческий и религиозный опыт анализу, Гоголь трактует это не только как путь к совершенствованию себя, но и как поиск «путей и дорог» к другому человеку, обществу, живой жизни в целом. «Дело души» и «дело жизни» он располагает в одной плоскости, по-своему уравнивая их. Еще раз вернувшись к вопросу о «предметах» литературы, замечает: «Предмет у меня был всегда один и тот же: предмет у меня был — жизнь, а не что другое» [6, с. 445]. В «Авторской исповеди», по сравнению с «Выбранными местами...», усиливается акцент на современности: «Предмет мой была современность и жизнь в ее нынешнем быту...» [6, с. 449]; «...никогда еще до сих пор не чувствовал <я> так сильно потребность знать современное состояние нынешнего русского человека...» [6, с. 452].

Для «Выбранных мест...» был принципиален тезис: «Нужно проездиться по России». Теперь высказывается «желание сильное **знать** Россию», понятие «**внутренность** России» [6, с. 446, 447]. При этом постоянно акцентируется нерасторжимая связь внутреннего духовного развития человека и совершенствования жизни. В каком случае в «нынешнее время» писатель может быть «разрешителем современных вопросов»? — «В таком случае и тогда, когда он сам уже все разрешил себе, что ни тревожит его самого» [6, с. 456].

А на исходе 1847 г. Гоголь писал В. А. Жуковскому: «Хотелось бы поговорить о том, о чем с одним тобой могу говорить: о нашем милом искусстве...» [8, с. 33]. Собираясь наконец совершить «путешествие в Иерусалим», давно задуманное, решает исповедаться перед поэтом, а не перед священником и объясняет: «...кому же, как не тебе? Ведь литература заняла почти всю жизнь мою, и главные мои грехи — здесь»

[8, с. 33]. Вспоминает о давней первой встрече с Жуковским: «Мы почувствовали родство, сильнейшее обыкновенного родства. Отчего? Оттого, что чувствовали оба **святыню искусства**» [8, с. 33]. Два мира — веры и творчества, Церкви и литературы — воспринимаются Гоголем как равно необходимые ему и необходимые друг другу.

Каковы же могут быть формы подачи позднего творчества писателя? Естественно, что «Выбранные места...», не входящие в программу общеобразовательной школы, возможно привлечь лишь в рамках какого-либо элективного курса. В вузе же более детальное рассмотрение «Выбранных мест...» позволит понять и противоречивость, и целостность творческого пути Гоголя, при этом принять во внимание и различные интерпретации творчества писателя в современном литературоведении, что полезно для выработки навыков критического мышления и формулирования собственной позиции.

Анализ «Выбранных мест...» выявляет также, насколько важной для писателя XIX в. была проблема слова. Особую ценность в этом отношении имеют размышления Гоголя о том, **что** есть «слово живо», где его истоки, каковы могут быть слова поэта и слова «церковного пастыря». А сознавая сложность вопроса о том, кому уже в наше, в точном смысле слова в «нынешнее» время — учителю или пастырю церкви — преподавать в школе основы православной культуры и православную этику, думается, можно сказать, что этот процесс вряд ли может обойтись без историка литературы (хотя бы в качестве консультанта), который способен найти или хотя бы обозначить некую золотую середину между словом пастыря, выявляющего определенность, твердость истины, охраняемой церковью, и «поэта», тяготеющего к открытости, незавершенности смысла литературного слова.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Здесь и далее курсив автора цитируемых строк, жирным шрифтом выделено мною. — *Е. А.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бухаркин П. Е.* Православная церковь и русская литература в XVIII–XIX веках. Проблема культурного диалога. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 172 с.
2. *Вайскопф М. Я.* Сюжет Гоголя. М.: Радикс, 1993. 590 с.
3. *Виноградов И. А.* Гоголь — художник и мыслитель. Христианские основы мирозерцания. М.: Наследие. 2000. 448 с.
4. *Воропаев В. А.* Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Паломник, 2014. 336 с.
5. *Гиппиус В. В.* Гоголь. *Зеньковский В. В.* Н. В. Гоголь. СПб.: Logos, 1994. 344 с.
6. *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. Б/м.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. VIII. 815 с.
7. *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. Б/м.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. XII. 719 с.
8. *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. Б/м.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. IV. 486 с.
9. *Гольденберг А. Х.* Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта, Наука, 2012. 232 с.
10. *Гончаров С. А.* Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. 340 с.
11. *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850–1880-х гг. СПб.: Росток, 2018. 912 с.
12. Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1994. Вып. 1; 2013. Вып. 8. Евангельский текст в русской литературе XII–XXI веков. Петрозаводск, 2014. Вып. 9.
13. *Есаулов И. А.* Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. 289 с.
14. *Есаулов И. А.* Пасхальность русской словесности. М.: Круг, 2004. 560 с.
15. *Зеньковский В. В., прот.* История русской философии. Л.: Эго, 1991. Т. I. Ч. 1. 221 с.
16. *Ильичев А. В.* Поэтика противоречия в творчестве А. С. Пушкина и русская литература конца XVIII — начала XIX века. Ч. 2. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2004. Глава «Веленью Божию, о Муза, будь послушна»: Тема поэта и поэзии в каменноостровском цикле Пушкина (1836)».
17. *Канунова Ф. З., Айзикова И. А.* Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840-е гг.). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 303 с.
18. *Котельников В. А.* Православие в творчестве русских писателей XIX века: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1994.
19. *Котельников В. А.* Православная аскетика и русская литература (На пути к Оптиной). СПб.: Призма-15, 1994. 207 с.
20. *Лепяхин В. В.* Икона в русской художественной литературе. М.: Отчий дом, 2002. 735 с.
21. *Моторин А. В.* Духовные направления русской словесности XIX века. Великий Новгород: Изд-во Новгородского гос. ун-та, 2012. 504 с.
22. *Новикова Е. Г.* Софийность русской прозы второй половины XIX века: евангельский текст и художественный контекст. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. 254 с.
23. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. 2-е изд. Т. III. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
24. *Симеон, иеромонах (Томачинский В. В.).* Путеводитель к Светлому Воскресению. Н. В. Гоголь и его книга «Выбранные места из переписки с друзьями». Изд-во Сретенского Ставропигиального мужского монастыря, 2009. 164 с.
25. *Старк В. П.* Стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...» и цикл Пушкина 1836 г. // Пушкин. Исследования и материалы. Т. X. Л.: Наука, 1982. С. 193–203.

26. Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 1994. Сб. 1; 2016. Сб. 8.
 27. Фомичев С. А. Последний лирический цикл Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л.: Наука, 1985. С. 52–66.

REFERENCES

1. *Buharkin P. E.* Pravoslavnaya tserkov i russkaya literatura v XVIII–XIX vekah. Problema kulturnogo dialoga. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1996. 172 s.
2. *Vayskopf M. Ya.* Syuzhet Gogolya. M.: Radiks, 1993. 590 s.
3. *Vinogradov I. A.* Gogol — hudozhnik i myislitel. Hristianskie osnovyi mirosozertsaniya. M.: Nasledie. 2000. 448 s.
4. *Voropaev V. A.* Nikolay Gogol: Opyit duhovnoy biografii. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Palomnik, 2014. 336 s.
5. *Gippius V. V.* Gogol. Zenkovskiy V. V. N. V. Gogol. SPb.: Logos, 1994. 344 s.
6. *Gogol N. V.* Poln. sobr. soch.: v 14 t. B/m.: Izd-vo AN SSSR, 1952. T. VIII. 815 s.
7. *Gogol N. V.* Poln. sobr. soch.: v 14 t. B/m.: Izd-vo AN SSSR, 1952. T. XII. 719 s.
8. *Gogol N. V.* Poln. sobr. soch.: v 14 t. B/m.: Izd-vo AN SSSR, 1952. T. IV. 486 s.
9. *Goldenberg A. H.* Arhetipy v poetike N. V. Gogolya. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Flinta, Nauka, 2012. 232 s.
10. *Goncharov S. A.* Tvorchestvo Gogolya v religiozno-misticheskom kontekste. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 1997. 340 s.
11. *Dmitriev A. P. N. P.* Gilyarov-Platonov i russkaya literatura 1850–1880-h gg. SPb.: Rostok, 2018. 912 s.
12. *Evangelskiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov. Tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr.* Petrozavodsk, 1994. Vyip. 1; 2013. Vyip. 8. *Evangelskiy tekst v russkoy literature XII–XXI vekov.* Petrozavodsk, 2014. Vyip. 9.
13. *Esaulov I. A.* Kategoriya sobornosti v russkoy literature. Petrozavodsk: Izd-vo Petrozavodskogo un-ta, 1995. 289 s.
14. *Esaulov I. A.* Pashalnost russkoy slovesnosti. M.: Krug, 2004. 560 s.
15. *Zenkovskiy V. V., prot.* Istoriya russkoy filosofii. L.: Ego, 1991. T. I. Ch. 1. 221 s.
16. *Ilichev A. V.* Poetika protivorechiya v tvorchestve A. S. Pushkina i russkaya literatura kontsa XVIII — nachala XIX veka. Ch. 2. Vladivostok: Izd-vo Dalnevostochnogo un-ta, 2004. Glava «Velenyu Bozhiyu, o Muza, bud poslushna»: Tema poeta i poezii v kamennoostrovskom tsikle Pushkina (1836)».
17. *Kanunova F. Z., Ayzikova I. A.* Nравstvenno-esteticheskie iskaniya russkogo romantizma i religiya (1820–1840-e gg.). Novosibirsk: Sibirskiy hronograf, 2001. 303 s.
18. *Kotelnikov V. A.* Pravoslavie v tvorchestve russkih pisateley XIX veka: dis. ... d-ra filol. nauk. SPb., 1994.
19. *Kotelnikov V. A.* Pravoslavnaya asketika i russkaya literatura (Na puti k Optinoy). SPb.: Prizma-15, 1994. 207 s.
20. *Lepahin V. V.* Ikona v russkoy hudozhestvennoy literature. M.: Otchiy dom, 2002. 735 s.
21. *Motorin A. V.* Duhovnyie napravleniya russkoy slovesnosti XIX veka. Velikiy Novgorod: Izd-vo Novgorodskogo gos. un-ta, 2012. 504 s.
22. *Novikova E. G.* Sofiynost russkoy prozyi vtoroy polovinyi XIX veka: evangelskiy tekst i hudozhestvennyiy kontekst. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1999. 254 s.
23. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: v 10 t. 2-e izd. T. III. M.: Izd-vo AN SSSR, 1957.
24. Simeon, ieromonah (Tomachinskiy V. V.). Putevoditel k Svetlomu Voskreseniyu. N. V. Gogol i ego kniga «Vyibrannyye mesta iz perepiski s druziyami». Izd-vo Sretenskogo Stavropigialnogo muzhskogo monastyrira, 2009. 164 s.
25. *Stark V. P.* Stihotvorenje «Ottsyi pustynniki i zhenyi neporochnyi...» i tsikl Pushkina 1836 g. // Pushkin. Issledovaniya i materialy. T. X. L.: Nauka, 1982. S. 193–203.
26. Hristianstvo i russkaya literatura. SPb.: Nauka, 1994. Sb. 1; 2016. Sb. 8.
27. *Fomichev S. A.* Posledniy liricheskiy tsikl Pushkina // Vremennik Pushkinskoy komissii. 1981. L.: Nauka, 1985. S. 52–66.